

ТЕРРОРОГЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ РАЗВИТЫМИ И РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

В статье на основе анализа сущности глобальной террористической асимметрии определяются основные направления ее устранения в международном праве: криминализация деяний, производящих террористическую конфликтность, а также международно-правовая уголовная ответственность государств.

Ключевые слова: глобальный конфликт, терроризм, квалификация терроризма, криминализация деяний.

Постановка проблемы и ее актуальность.

Состояние международной среды во многом определяется неумолимо нарастающим глобальным конфликтом. Динамика нарастания этого глобального конфликта в современных условиях определяется в основном тем, что планы на гармоничное построение послевоенного мира, как единого целого, заложенные самой идеей создания ООН и нормами ее Устава, не сбылись. основоположные принципы Устава ООН указывают на необходимость консолидированного понимания мировым сообществом современного мира как единой социально-экономической целостности, где гарантией безопасности для всех может служить лишь всеобщее благополучие. Однако по оценкам специалистов, плоды глобализации достаются в основном крупному капиталу, развитым странам.

Изложение основного материала. В ряде работ автора на основе подобного видения теневых сторон глобализации в качестве ключевой характеристики современного мира указано на состояние глобального террористического конфликта, который достаточно четко определен в критериях конфликтологии [1; 2].

Субъекты конфликта представлены противоборствующими в нем сторонами, то есть планетарными социальными группами. С некоторой долей условности один из этих субъектов представлен большой группой стран и народов бедной части населения Земли, поставленной деструктивным развитием мировой экономики на грань выживания.

Другой субъект глобального террористического конфликта определяется как меньшая по

численности группа стран, прочно завладевшая контролем над природными, материальными и финансовыми ресурсами планеты, обладающая высокими производственными и информационно-коммуникационными технологиями. Доминирование этой группы коррелирует с высоким уровнем развития и процветанием.

В принципе это разделение является очевидным и находит свое отражение в научной, политической литературе и публицистике в виде дихотомии «Север-Юг», «Запад-Восток», «ядро-периферия» и т.п. По мнению алжирского дипломата и юриста-международника, бывшего члена Комиссии международного права ООН Мохаммеда Беджауи, доминирование всегда нуждалось в оправдании. Оно часто находило его в использовании клише дихотомии. Сегодняшняя антиномия между развитыми и развивающимися странами напоминает прежнюю дихотомию между греками и варварами, верующими и неверными. Было бы ошибкой думать, что выявление «иных» является шагом вперед на пути к признанию их проблем и к необходимости их решения» [12].

Однако существующий миропорядок, который устраивает развитые страны, и который они всячески пытаются легитимизировать как данность, в том числе, придавая ему видимость объективного течения международного общественного развития с помощью дихотомии и других приемов, взломан асимметрией террористических средств борьбы. Именно террористические акты, взятые на вооружение радикальными силами, представляющими бедные регионы планеты в борьбе за равное развитие, внесли

сопоставимость в соотношении сил противоборствующих стран и «позволили» состояться глобальному конфликту, который поэтому и получил название террористического [3].

Глубинность противоречия сторон, проявляющаяся в кризисе существующей миросистемы, предопределила глобальный масштаб террористического конфликта, а его антагонистический характер обусловлен применением одним из субъектов террористических методов борьбы, а со стороны другого – непримиримостью к претензии оппонента на равенство в развитии, прикрываемой непримиримостью к террористическим методам борьбы.

Объект и предмет глобального террористического конфликта, принимая во внимание его социальную природу, обусловлены политической сферой общества, то есть властью и властными отношениями. Глобальная «социальность» конфликта предопределяет в качестве его объекта существующий миропорядок. Предметом же глобального террористического конфликта, то есть тем, по поводу чего происходит противоборство субъектов, являются ресурсы и контроль над ними, доступ к финансам, технологиям, благам цивилизации.

Что касается целей субъектов конфликта, то для стороны, представляющей развитый мир, ими являются обеспечение условий для политического и экономического процветания и доминирования, а, следовательно, сохранение контроля над ресурсами, преобладание в технологической, финансовой и информационно-коммуникационной сферах, искоренение террористических методов действий в международных отношениях.

Субъект, прибегающий к использованию террористических актов, ставит целями возможность реализации предусмотренного международными нормами права на развитие.

Практическую составляющую глобального террористического конфликта характеризуют средства и методы борьбы. Их оценка в сочетании с действительными, а не декларируемыми сторонами конфликта целями приближает к пониманию природы конфликта и его значимости для международной жизни.

Доминирующим в глобальном террористическом конфликте является насильственный метод, сопровождающийся применением феноменального (на фоне благих, предусмотренных международным правом, целей) по своей жес-

токости и «разрешающим возможностям» средства борьбы – террористических актов.

Средствами и методами же противоборствующего субъекта является в основном набор действий неокOLONиалистского характера, обуславливающих постоянное накопление капитала и обеспечивающих достижение указанных выше целей. Сюда можно отнести, не всегда распознаваемые как неправомерные, операции в рамках неэквивалентного экономического и информационного обмена, цивилизаторского вторжения и, наконец, прямые военные агрессии.

Глобальный террористический конфликт вполне доступен и приемлем для правового воздействия, поскольку вышеуказанные его характеристики дают основания в международно-правовых категориях определить его как международное преступление «терроризм» – базирующееся на конфликте насильственное противоборство, которое наряду с причинением вреда государству посягает на международный мир и безопасность и обусловлено разностью политических, экономических, социальных и культурных интересов цивилизаций, государств, народов, наций, социальных групп и движений при условии, что хотя бы одна из сторон прибегает к террористическим актам как средству воздействия на противника в политических целях.

Такое определение преступления дает возможность увидеть в субъектах глобального террористического конфликта, точнее в их противоборствующем взаимодействии совокупный субъект состава терроризма, а в объекте и предмете конфликта – аналогичные элементы состава этого международного преступления. Осознанные интересы, ценности и цели субъектов конфликта идентифицируются с субъективной стороной, а средства и методы борьбы – с объективной стороной состава терроризма.

Основным квалифицирующим признаком состава терроризма является сложный совокупный субъект этого международного преступления, являющийся правовым квалификационным выражением процесса противоборствующего взаимодействия сторон, и определяющий перспективу формирования их общего планетарного интереса по сохранению человеческой цивилизации. Признание совокупного субъекта терроризма устраняет основу для политико-правовой деформации, подменяющей борьбу с терроризмом лишь борьбой с незначительным его сегме-

нтом, сводящей ее (борьбу) к противодействию террористическим актам.

Признавая бесчеловечность террористических актов, следует все же указать на их юридическую второстепенность в преступном механизме терроризма, что определяется незначительностью детерминистского вклада в его (механизма) формирование. Приоритет здесь явно составляют геополитические, геоэкономические и социокультурные факторы.

То есть ключевую проблему эффективности противодействия терроризма следует связывать с уголовной ответственностью государства.

Авторская доктрина, разрабатываемая в рамках кафедральной международно-криминологической по своей направленности научной школы, предполагает, что эффективность международно-правового противодействия терроризму, исходящему из глобального конфликта по поводу развития, может быть обеспечена двумя условиями.

Первым из них является обоснованная криминализация поведения и действий участников международных процессов, образующих угрозу международному миру и безопасности, промежуточным шагом к которой могло бы стать придание обязательного характера значительному числу норм и положений, существенно представленных в сфере мягкого права. Из нее вытекает органическая потребность – и это второе условие, в институте уголовной по международному праву ответственности государства.

Приведенное понимание терроризма предполагает эффективность противодействия ему при условии уголовной ответственности государства. Этот концептуальный подход обоснован с позиции международной криминологии и предложен к международной дискуссии [11].

Он, безусловно, необычен для международно-правовой науки, основывается на международно-криминологических исследованиях терроризма и вытекающих из этого определениях его понятия и содержания уголовной ответственности государства по международному праву.

Такое нетрадиционное понимание преступного механизма международного преступления терроризм, образуемого противоборством социальных мегагрупп и во многом реализуемого через государство и его международную правосубъектность, влечет нетрадиционность построения международно-правового противодействия

преступлению. Его эффективность связывается с введением института уголовной ответственности государства, (нетрадиционная) концепция которого детально фундирована в работах представителей научной школы [4; 7]. В общих же чертах этот концептуальный подход обозначен ранее в рамках открытого на кафедре междотраслевого направления юридической науки международного криминально-правового цикла «международная криминология» и оценен как представляющий интерес для международного юридического сообщества.

Примечательно, что с самого начала научный поиск постижения проблем нарастания глобальной конфликтности, а соответственно международной преступности и прежде всего терроризма, велся в направлении исследования геополитических, геоэкономических, геосоциологических и межцивилизационных процессов, порождающих эту генерализованную преступность и, следовательно, определяющих стратегию международного правотворчества [5]. Ведь, как указывает известный французский юрист-международник Жан Тускоз, международное право не может надолго отстраниться от реальности, не рискуя утратить своей эффективности или даже легитимности. Оно должно вмешиваться в различные процессы, особенно если они развиваются в сторону нарушения справедливости и угрозы безопасности мира [8].

Международная действительность все настойчивее выдвигает необходимость постижения феномена терроризма и его живучести. Несмотря на создаваемые институты и органы, принимаемые правотворческие и правоприменительные (правда, лишь по отношению к организаторам и исполнителям террористической деятельности) меры терроризм распространяется на планете и становится все более влиятельным фактором международных отношений.

В рамках такого нетрадиционного понимания квалификационных характеристик терроризма следует оценивать и происходящую в настоящее время эскалацию жестокости террористических средств и методов борьбы.

На наш взгляд, в основе изуверства «Игил», «Джихад-ан-нусры» и других террористических фронтов, имеющих, как и «Аль-Каида», сомнительные источники существования, лежит попытка абсолютизировать преступность террористической асимметрии в целом, за которой усматривается намерение устранить из право-

вой квалификации международного преступления терроризм мотивационную (субъективную) составляющую. Какое-либо указание на последнюю способно вызывать (у исследователя) детерминистский «зуд», а его утоление неизбежно приводит к выводам об асимметричности существующей миросистемы, в основе которой лежат неокOLONIALISTСКИЕ принципы политических, экономических и социальных отношений между государствами и цивилизациями.

Исследуя этот вопрос, автор ранее указывал на признаки и предпосылки к легитимизации террористических средств борьбы (террористических актов) [6]. Этому в немалой степени способствуют признаваемые международным правом цели борьбы (преследуемые в том числе и террористами) за территориальную целостность, государственность, политическую и экономическую независимость и право на развитие. Весомым фактором, обуславливающим формирование таких целей, является тяжелое социально-экономическое положение регионов «третьего мира».

В свое время подобное развитие событий привело к легитимизации в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. (ст. 3) и особенно в Дополнительном протоколе – I к этим конвенциям повстанческо-партизанских методов вооруженной борьбы.

Однако неоправданная жестокость современных террористов, преследующих цели возрождения Халифата, в указанную логику никак не вписывается. Тем более, что арабский Халифат в VII в. утверждался, по меркам того времени, практически бескровно. Это явствует, в частности из фундаментального труда профессора Флорентийского университета Франко Кардини «Европа и ислам: история непонимания» [9]. Достаточно сказать, что автор не подтверждает масштабность и свирепость даже таких показываемых в литературе, как знаковые сражения между исламом и христианством – битвы при Пуатье (732 г.) [9, с. 13-14] и в Ронсевальском ущелье (778 г.) [9, с. 22].

Из сказанного следует, что решимость, демонстрируемая международным сообществом в ответ на террористическую жестокость, имеющую место на Большом Ближнем Востоке, следует распространить на терроризм как на международное преступное явление в предложенном здесь понимании. В ином случае сосредоточение нормотворческих и правоприменитель-

ных усилий лишь на непосредственной террористической деятельности оторванных от глобального социума группировок головорезов ожидает тот же эффект, что и решение стран ЕС об уничтожении на североафриканском побережье Средиземного моря плавсредств в борьбе с массовой миграцией.

Выводы. Для решения задачи эффективности международно-правовой борьбы с терроризмом исследованы основные теории мирового развития, на базе которых выстраивается понимание соотношения сил на международной арене, корневых факторов мирохозяйства, определяющих глобальные механизмы насильственной конфликтности и международной преступности. Общим результатом сравнительного анализа явилось то, что в основе системной мировой кризисности с, одной стороны, и глобальной террористической конфликтности – с другой, лежат одни и те же геозкономические, геополитические и цивилизационные детерминанты, которые сами по себе либо содержат неправомерность и являются международными преступлениями, либо нуждаются в криминализации по международному праву. Очевидным стало и то обстоятельство, что продуцируются эти конфликтогенные факторы, то есть первичная генеральная криминогенность, системами развитой части мирового сообщества. Причём эта первичная детерминантность искусно камуфлируется и перепроецируется на «третий мир» с его «привычными» социально-экономическими проблемами. Действительная вовлеченность этих регионов в активную, но, что важно, вторичную транснациональную преступность (наркотрафик, контрабанда оружия, торговля людьми, пиратство, проявления терроризма и т.п.), облегчает задачу создания видимости средоточия здесь начал международной преступности. На основании такой видимости в общественном мнении и в экспертном сообществе формируется представление о неразвитой части мирового сообщества как об источнике глобальной криминогенности. А это, в свою очередь, дезориентирует международное право, его нормотворческую направленность. «Охотясь» за последствиями и поэтому все более отдаляясь от реальной действительности, современное международное право ощутимо теряет свою эффективность.

В этом нетрудно убедиться, уделив некоторое внимание проблемам так называемого международного права развития. Дело в том, что

очевидными являются параллели между природой глобальной террористической конфликтности, указывающей на концептуальную потребность в обновленном международном антитеррористическом праве (с совокупным субъектом состава в своем фокусе) и природой колоссальной социально-экономической поляризации международного сообщества (которое по этой причине назвать таковым представляется уже неуместным). По данным Oxfam America, со ссылкой на подсчеты Credit Suisse, к 2016 году самый богатый 1 процент населения земли будет обладать большим состоянием, нежели остальные 99 процентов [13]. Согласно информации Всемирного банка, по состоянию на 2010 год процент населения, живущего в крайней нищете (менее чем на 1,25 долл. США в день), составляет 20,6 % населения планеты. Самая высокая доля населения, живущего в крайней нищете, приходится на Африку к югу от Сахары (42,5 %). В Южной Азии цифра составляет 31 %, Восточной Азии и Тихоокеанском регионе – 12,5 %, Латинской Америке и Карибском Бассейне – 5,5 %, на Ближнем Востоке и Северной Африке – 2,4 %, Европе и Центральной Азии – 0,7 % [10]. Кризисность и конфликтность обоих указанных явлений со всей очевидностью обусловлена проблемой развития, точнее «неразвития» стран и народов, определенных в результате победы национально-освободительного движения как развивающиеся. Очевидное сходство здесь образуют и международно-правовые проблемы: как международное антитеррористическое право, так и полемизируемое ныне как возможная самостоятельная отрасль, международное право развития явно «буксует» в своей действенности. Ключ к решению проблемы в значительной мере следует связывать с институтом уголовной ответственности государства.

Литература

1. Антипенко В. Ф. Глобальный террористический конфликт / В. Ф. Антипенко // Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007 – С. 84-163.
2. Антипенко В. Ф. Конфликтология в международном антитеррористическом правотворчестве: монография / В. Ф. Антипенко, А. В. Антипенко. – Одесса: Феникс, 2014. – 404 с.
3. Антипенко В. Ф. Конфликтологическое видение глобальности уголовно-правовых характеристик терроризма / В. Ф. Антипенко, А. В. Антипенко // Конфликтология в международном антитеррористическом правотворчестве. – Одесса: Феникс, 2014. – С. 300-306.
4. Антипенко В. Ф. Международно-криминологическое видение концепции уголовной ответственности государства / В. Ф. Антипенко // Библиотека уголовного права и криминологии. – М.: Юрлитинформ, 2014. – № 1 (5). – С. 94-101.
5. Антипенко В. Ф. Теории мирового развития. Логика сопрягаемости / В. Ф. Антипенко. – К., 2007. – 440 с.
6. Антипенко В. Ф. Угроза правовой легитимизации террористических методов борьбы / В. Ф. Антипенко // Конфликтология в международном антитеррористическом правотворчестве. – Одесса: Феникс, 2014. – С. 162-169.
7. Важна К. А. Концепція кримінальної відповідальності держави у доктрині міжнародного права / К. А. Важна // Держава і право: зб. наук. праць. – К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2012. – Вип. 56. – С. 483-489.
8. Тускоз Ж. Міжнародне право: підручник / Ж. Тускоз; пер. з фр. – К.: Арттек, 1998. – С. 55.
9. Франко Кардини Европа и ислам: история непонимания / Ф. Кардини; пер. с итал. – СПб.: «Александрия», 2007. – 332 с.
10. Якубовская Н. А. Международное право развития: идеи, нормы, реализация: монография / Н. А. Якубовская. – К: Юринком Интер, 2015. – 224 с.
11. Antypenko V. F. International criminology. The experience of the research of terrorism / V. F. Antypenko. – Lambert Academic Publishing, Saarbuckten, Deutschland. – 367 p.
12. Bedjaoui M. Towards a new international economic order / Mohammed Bedjaoui. – New-York: Holmes & Meier, 1979. – P. 117.
13. Oxfam America, Wealth: Having it all and wanting more / Brief January 18, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oxfamamerica.org/static/medai/files/Wealth_Having_it_all_and_wanting_more.pdf.

В. Ф. Антипенко

Теророгенні характеристики протиріч між розвиненими країнами та країнами, що розвиваються

У статті на основі аналізу сутності глобальної терористичної асиметрії визначаються основні напрями її усунення в міжнародному праві: криміналізація діянь, які виробляють терористичну конфліктність, а також міжнародно-правова кримінальна відповідальність держав.

Ключові слова: глобальний конфлікт, тероризм, кваліфікація тероризму, криміналізація діянь.

V. Antipenko

Dangerous of terrorist's activity as a base of contradiction between well developed and developing countries

On the basis of analysis of the global nature of the terrorist asymmetry defines the main directions of its elimination in international law: the criminalization of acts producing terrorist conflict and international legal criminal responsibility of States.

Key words: global conflict, terrorism, the classification of terrorism, the criminalization of acts.